

Романтик русской революции

13 июня 1970 года Центральный орган КПСС газета «Правда» опубликовала следующее краткое сообщение ТАСС: Смерть Керенского. Вчера в Нью-Йорке на 90-м году жизни умер бывший глава буржуазного Временного правительства России Керенский. Никаких оценок и даже имени и отчества в тексте не было.

В конце августа 1917 года и в конце августа 1991 года были предприняты неудачные выступления силовиков для «наведения порядка в государстве». Обе эти акции провалились и только способствовали дальнейшей радикализации революционных политических изменений в нашей стране.

В современной России принято сопоставлять революционные события 1917 и 1991 годов, несмотря на различие в исторических масштабах, поскольку в том и другом случае происходил распад государства. Никто иной, как бессменный лидер российских коммунистов Геннадий Зюганов еще в 90-е годы сделал сенсационное для марксиста-ленинца заявление: Россия исчерпала лимиты на революции. Ему ответил философ Борис Славин, что история никому лимиты на революции не выдает. Да и произошедшие изменения в нашей стране со времени отставки первого президента России Бориса Ельцина до наших дней можно с полным основанием назвать революцией сверху. А августовские события августа 1991 года до сих пор для одной части общества являются демократической революцией, а для другой - буржуазной контрреволюцией.

Особенно не везет лидерам Февраля, деятелям Временного правительства. О них тиражируются мифы как о сторонниках разрушения государственного единства Российской империи, и даже агентах британских спецслужб и французских масонских кругов. Естественно винят в этом «разрушительную» идеологию либерализма, которую они исповедовали. Также отечественные консервативные авторы предпочитают усматривать причины краха царского самодержавия в происках американских банкиров.

Так кого же свергли в результате октябрьского переворота 1917 года, и почему большевикам это удалось сделать так легко? О Керенском со злой иронией писали не только в советских учебниках истории, приписывая ему бегство в женском платье от красногвардейцев и революционных рабочих. Такие разные политики как Павел Милюков и Лев Троцкий фактически были едины в оценке личности человека, который был 1917 году признанным вождем русской революции и пользовался невероятной популярностью в обществе. «Немало написано на ту тему, что дальнейшие несчастья, включая и пришествие большевиков, могли бы быть избегнуты, если бы вместо Керенского во главе власти стоял человек с ясной мыслью и твердым характером» - иронизировал в своей «Истории русской революции» Лев Троцкий.

Александр Федорович Керенский родился 22 апреля 1881 года в семье директора гимназии в Симбирске (ныне Ульяновск), где родился тоже 22 апреля, но 1870 года и его удачливый политический соперник Владимир Ульянов.

Александр Керенский был знаменитым адвокатом и политическим деятелем, получившим широкую известность в стране задолго до свержения самодержавия в феврале 1917 года. В период революции 1905 года он входил в созданный

петербургской коллегией адвокатов Комитет по оказанию помощи жертвам Кровавого Воскресенья (расстрела царскими войсками мирного шествия рабочих к Зимнему Дворцу). Подвергался аресту и ссылке по подозрению в принадлежности к боевой организации партии эсеров. В 1906 году стал известен как защитник по делу крестьян в Ревеле (Таллин) разграбивших поместье местного барона. Выступал защитником на многих политических процессах в том числе, по делу революционной армянской партии Дашнакцутюн в 1911 году и в 1915 году по делу большевиков – депутатов IV Государственной Думы, занимавших антивоенную позицию. Был инициатором резолюции протеста, принятой коллегией адвокатов Петербурга против фальсифицированного антисемитского судебного дела М.Бейлиса в 1913 году, за что приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев. По кассационной жалобе заключение было заменено на запрет заниматься адвокатской практикой на этот срок.

В 1912 году стал депутатом IV Государственной Думы, руководил депутатской комиссией по расследованию событий на золотых приисках в Сибири (Ленский расстрел), в 1915 году возглавил фракцию Трудовой группы (трудовиков), представлявшую народнические взгляды и приобрел большую известность как радикальный оппозиционный оратор. Достаточно, сказать, что императрица Александра Федоровна, говорила своему венценосному супругу: «Керенского за такие речи надо повесить». В 1915 – 1916 годах был секретарем Верховного совета масонов России, в котором принимали участие деятели ряда оппозиционных царскому режиму партий.

Керенский стал одним из вождей Февральской революции, был избран заместителем председателя исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (председатель меньшевик Николай Чхеидзе), занимал посты министра юстиции, военного и морского министра в правительстве князя Георгия Львова. В правительство он был делегирован Петроградским советом, как представитель революционной демократии. После июльского правительственного кризиса стал министром-председателем второго коалиционного Временного правительства с участием кадетов и умеренных социалистов (трудовиков, народных социалистов, меньшевиков и эсеров). Советские историки называли правительство Керенского буржуазным, тогда как на самом деле оно носило коалиционный характер, а сам Керенский после февральской революции объявил себя членом партии эсеров (социалистов-революционеров).

Александр Керенский в эмиграции постоянно оправдывался, доказывая прогрессивный характер Февральского переворота. В книге «Русская революция 1917» он утверждал, что политическая система в России прогнила и разложилась задолго до революции. «Высшая олигархия, окруженная толпой аферистов и авантюристов, держала в руках судьбу армии, а значит всей страны». По мнению Керенского, «не революция породила в России анархию; это была лихорадочная попытка предотвратить полный крах. К революции Россию толкнули преступная глупость правительства и военные невзгоды». Действительно, несмотря на очевидные глубинные социальные причины революции (в первую очередь нерешенность крестьянского вопроса) толчком к революционным потрясениям

стала усталость общества от затяжной войны и хаос и интриги в правящих кругах. А христианский философ и публицист Георгий Федотов, анализируя внутреннюю националистическую политику царизма, с горечью писал: «Два последних императора, ученики и жертвы реакционного славянофильства, игнорируя имперский стиль России, рубили ее под самый корень».

На посту главы правительства Керенский, пользовавшийся в начале революции огромной популярностью, стремился объединить все антимонархические и демократические силы страны от либералов до социалистов, в условиях продолжавшейся первой мировой войны. Однако насколько возможно было такое объединение в период радикализации революции, обострения классовых противоречий и чудовищной усталости народа от продолжавшейся войны? Во многих странах в условиях военной угрозы сплачиваются самые разные политические силы исходя из соображений патриотического порядка. Но в ситуации революционного брожения, естественной слабости новой демократической власти и явно завышенных ожиданий общества попытка объединить страну и довести ее до избрания Учредительного собрания и успешного окончания мировой войны оказалась невыполнимой. «Мелкобуржуазные идеалисты, глядящие поверх классов, думающие готовыми фразами, не знающие, чего хотят, и желающие всем всего лучшего, являются на этой стадии единственно мыслимыми вождями большинства» - отмечал Лев Троцкий.

Советские историки доказывали, что Временное правительство ничего не сделало для народа, и поэтому было свергнуто большевиками, получившими поддержку классовых органов трудящихся - Советов рабочих и солдатских, а затем и крестьянских депутатов. Что же в действительности удалось сделать Временному правительству за очень короткий срок пребывания у власти?

Была объявлена политическая амнистия, отменена цензура, упразднен департамент полиции и охранные отделения (органы политического сыска). Февральская революция упразднила монархические партии, а наиболее одиозные представители старого режима были заключены в Петропавловскую крепость.

Временное правительство провозгласило политические и гражданские свободы (свобода слова, печати, собраний и стачек) и уравнило всех граждан в правах путем отмены сословных, вероисповедных и национальных ограничений. Была реорганизована система снабжения страны с введением монополии на торговлю зерном и твердых цен на товары первой необходимости. В сентябре Россия была провозглашена республикой, началась подготовка к созыву Учредительного собрания на началах всеобщего, равного и тайного голосования, проведены свободные выборы в органы местного самоуправления. Временное правительство признало независимость Польши, была восстановлена конституция Финляндии, и в тоже время ее стремление к отделению было отвергнуто. Православная церковь обрела самостоятельность и смогла избрать патриарха. Неслучайно главный оппонент Временного правительства слева Владимир Ленин признавал, что Россия после февраля стала самой свободной страной.

Многие упрекают Временное правительство, за то, что оно отложило важнейший вопрос русской революции – передачу помещичьей земли крестьянам до созыва Учредительного собрания. Лев Троцкий даже считал, что если бы вопрос о земле был решен Временным правительством, то большевики не смогли бы придти к власти. Однако осуществлять передел земли в ходе войны было крайне затруднительно, и решение крестьянского вопроса всенародно избранным Учредительным собранием представлялось вполне логичным. Другое дело, что сама логика развития революционного процесса требовала поиска выхода страны из непопулярной в массах войны и скорейшего разрешения социальных вопросов и вызвавших эту революцию.

Следует учитывать, что Временное правительство действовало в ходе нарастающего политического и социального кризиса и стремилось удержать страну от распада в условиях роста сепаратистских тенденций. Временное правительство пыталось наладить управление страной и демократизированной армией в ситуации фактического двоевластия, находясь в первые месяцы после революции под контролем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Возникшие в ходе революции повсеместно органы революционной демократии: Советы рабочих, солдатских, а затем и крестьянских депутатов выражали чаяния трудовых классов или претендовали на это. Первоначально в руководстве Советов преобладали представители социалистических партий социал-демократов (меньшевиков) и социалистов-революционеров. Влияние Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) выступавшей против участия России в «империалистической войне» по мере ухудшения обстановки в стране и на германском фронте нарастало. Не помогло и преследование большевиков после июльских беспорядков в Петрограде. «Не будь войны, - отмечал Владимир Ленин, - Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов».

Постепенно начался процесс большевизации Советов, а вскоре после провала военного мятежа генерала Корнилова, в сентябре председателем Петроградского совета Лев Троцкий, ранее с группой социал-демократов (межрайонцев) присоединившийся к большевикам. До этого Троцкий находился под арестом после подавления июльского выступления рабочих и солдат в Петрограде. Партия эсеров раскололась на левое и правое крыло. Левые эсеры во главе с Марией Спиридоновой в конечном итоге поддержали курс большевиков на переход всей власти Советам, провозглашенный Владимиром Лениным в знаменитых «Апрельских тезисах».

Даже союзники Керенского из числа меньшевиков и эсеров были фактически против союза с буржуазными цензовыми элементами из партии кадетов. Лидер правых эсеров Виктор Чернов, занимавший пост министра земледелия во Временном правительстве, считал, что необходимо было «перейти к более однородной власти с твердой рабоче-крестьянской, федералистской и пацифистской программой».

В рядах меньшевиков также существовали существенные расхождения. Меньшевики-оборонцы, поддерживали коалицию с либеральной партией кадетов, а меньшевики-интернационалисты во главе с Юлием Мартовым были

против участия социалистов в работе Временного правительства. По воспоминаниям Чернова общераспространенное увлечение личностью А.Ф.Керенского быстро сменилось ее переоценкой. «В конце концов, роль его стала сводиться к балансированию между правым, национал-либеральным и левым, социалистическим крылом правительства» - писал Виктор Чернов. Как отмечает историк Борис Колоницкий: «Керенский мог быть только политиком компромисса, он не опирался на свою политическую базу, он находился у власти лишь в силу соглашения этих политических течений».

А признанный лидер кадетов, занимавший пост министра иностранных дел в первом составе Временного правительства, Павел Милюков в книге «История второй русской революции» отмечал, что умеренные социалисты занимали двусмысленную позицию, которая «погубила их во мнении рабочего класса и чрезвычайно усилила левый фланг русского социализма – большевизм». По словам Милюкова выбор был между двумя борющимися флангами: «буржуазной диктатурой, стремившейся спасти, что можно для достижения внешней победы и для сохранения внутреннего мира и социалистической утопией, увлекавшей массы чисто демагогическими лозунгами». «Двусмысленное положение, занятое Керенским в борьбе между этими двумя флангами – между Корниловым и Лениным, лишило его союзников и выдало его противникам». Это противостояние Милюков в последствие сформулировал предельно четко: Корнилов или Ленин. Лев Троцкий в «Истории русской революции» назвал правильным определение сложившейся ситуации лидером кадетов Павлом Милюковым, что «страна делится на два лагеря, между которыми не может быть примирения и соглашения по существу».

Однако для демократа Александра Керенского выбор между военной диктатурой генерала Корнилова и большевиками был абсолютно неприемлем. К тому же Александр Федорович искренне считал себя вождем победившей революции и вовсе не собирался быть ее душителем. Именно поэтому он не поддержал в конечном итоге выступление генерала Корнилова в августе 1917-го угрожавшего его собственной власти и тем самым, по мнению критиков справа, упустил последний шанс предотвратить приход большевиков к власти. Выступление генерала Корнилова, когда войска с фронта были двинуты на Петроград, Керенский назвал «безрассудным бунтом главнокомандующего, открывшего перед большевиками ворота Кремля и последним звеном в цепи правых заговоров против Временного правительства». «Идея заговора с целью свергнуть Временное правительство зародилась в Петрограде еще в мае 1917 года в кругу банкиров и финансистов - отмечал Керенский. По его убеждению «они выступали не против революционных «эксцессов», не против «слабого» правительства Керенского, а против самой революции и нового порядка вещей в России». Буржуазные и помещичьи круги, в том числе и либеральная по своей программе и интеллигентская по составу партия кадетов в лице своих лидеров склонялись в сложившейся ситуации к ставке на военную диктатуру. Керенский также обращает внимание на вмешательство британского посольства в политические события в России и прямую поддержку английским правительством сторонников диктатуры генерала Лавра Корнилова.

Однако и самого Керенского многие подозревали в бонапартистских замашках и стремлении стать революционным диктатором. Более того, Лев Троцкий полагает, что программу генерала Корнилова «по наведению порядка», за которую ратовали правые кадеты, в значительной мере разделял сам Керенский, отказавшись от нее только тогда когда понял, что готовится переворот по его отстранению от власти.

Партия конституционных демократов (кадетов) занимала наиболее жесткую позицию по вопросу единства государства и ратовала за продолжение войны до победного конца на согласованных с союзниками условиях. Они решительно вступали против федерализации страны и автономии Украины. За известную фразу о черноморских проливах «Дарданеллы должны быть русскими» министра иностранных дел Павла Милюкова даже прозвали Дарданельским. В противовес этому курсу все социалистические партии требовали отказа от политики «аннексий и контрибуций», но расходились в оценках характера войны со стороны Временного правительства. Позднее, однако, сам бывший кадетский лидер Милюков признавал в мемуарах, что попытка продолжать войну вопреки желанию армии и народа погубила и монархию и Временное правительство.

Принято считать, что важной причиной политического краха Александра Керенского были черты его характера: нерешительность, слабость и чрезмерный гуманизм к политическим противникам. Однако силовое подавление июльского выступления революционных рабочих Петрограда, ратовавших за немедленный переход власти Советам и последующее затем преследование лидеров партии большевиков, и столь же решительный разгром корниловского выступления в августе вступают в противоречие с этим устоявшимся представлением. Ему была свойственна некоторая театральная поза, склонность к истерическим проявлениям, но именно это и делало Керенского самым популярным оратором в стране разбухшей революцией.

Будучи в эмиграции, подводя итоги революционных событий 1917 года, Павел Милюков, отвергая большевистский режим, тем не менее, пришел к выводу, что «революция не может остановиться на середине». «Только тогда она успокаивается на социальных и политических достижениях, не допускающих реставрации и не имеющих связи с прошлым». Сам Керенский в своей книге «Русская революция 1917» рассматривал октябрьскую революцию как реакционный государственный переворот, покончивший с завоеванными демократическими свободами. Главную вину своих оппонентов слева Керенский видел в разгоне Учредительного собрания, открывшего путь к братоубийственной гражданской войне.

«Я всегда был убежденным противником «белых диктаторов». Я всегда возражал и по-прежнему возражаю против блокады России и иностранной военной интервенции ради борьбы с большевиками. Только не надо забывать, что все зло причиненное России последователями генерала Корнилова и иностранной интервенцией – это лишь неизбежное следствие непростительного преступления Ленина: насильственного государственного переворота во имя диктатуры меньшинства накануне Учредительного собрания» - подчеркивал Керенский уже в эмиграции. Несмотря на все свои отмечаемые современниками слабости как

политического лидера, стремление усидеть на двух стульях, именно политика Керенского была последовательно демократической в твердом намерении не допустить авторитарного переворота, как слева, так и справа и довести страну до избрания Учредительного собрания, что являлось идеалом освободительного демократического движения в России. Фактически политика Керенского была попыткой предотвращения надвигающегося социального конфликта, ведущего к гражданской войне. Но этот шанс на мирное развитие был упущен, в том числе и по вине противников Керенского, как в либеральном, так и социалистическом лагере. Не случайно Александр Солженицын, направивший немало критических стрел в идеалы Февральской революции, в эпопее «Красное колесо» подчеркивал, что всего труднее отстаивать «среднюю линию общественного развития».

В августе 1991 году в сходной с Александром Керенским ситуации окажется первый и последний президент СССР Михаил Горбачев, вынужденный противостоять в конце перестройки, как коммунистическим консерваторам, так и радикальным демократам, проявивший правда в отличие от Керенского куда меньше политической воли в отстаивании своего курса. А выступление ГКЧП в чем-то напоминало неудачную патриотическую попытку генерала Корнилова остановить нарастающий хаос и распад страны и установить твердую власть. Как отмечал историк Рой Медведев: «В 90-е годы выступление генерала Корнилова часто сравнивали с «делом ГКЧП» 19 -22 августа 1991 года».

Александр Керенский был трагической фигурой русской истории и морально опередил свое время. Но не оправдал возлагаемых на него надежд. В революционные дни февраля, когда толпа хотела учинить самосуд над некоторыми царскими министрами, он лично спас от расправы бывшего военного министра генерала Сухомлинова. Керенский тогда заявил, что русская революция не проливает крови. К сожалению, Александр Керенский оказался плохим пророком.

Борис Савельевич Романов. Член редколлегии журнала «Демократия и социализм XXI».